

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько отрывочных мыслей. <i>Вместо предисловия</i>	5
Несколько слов	17

Книга первая. ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

Смерть отца	19
Дедушка мой Максим Григорьевич	25
Караси	31
Плеврит	34
Поездка в Ченстохов	37
Розовые олеандры	42
Шарики из бузины	50
Святославская улица	57
Зимние зрелища	63
Гардемарин	70
Как выглядит рай	74
Брянские леса	78
Кишата	84
Вода из реки Лимпопо	91
Первая заповедь	99
Липовый цвет	105
Я был, конечно, мальчишкой	113
Красный фонарик	121
Пустынная Таврида	127
Крушение	137
Артиллеристы	143
Великий трагик Кин	149
Один на большой дороге	154
Дикий переулочек	157

Осенние бои	160
«Живые» языки	164
«Господа гимназисты»	170
Горбоносый король	175
Из пустого в порожнее	179
Корчма на Брагинке	184
Сон в бабушкином саду	198
«Золотая латынь»	205
Преподаватели гуманитарных наук	209
Выстрел в театре	215
Разгуляй	220
Рассказ ни о чем	233
Аттестат зрелости	237
Воробьиная ночь	244
Маленькая порция яда	251

Книга вторая. БЕСПОКОЙНАЯ ЮНОСТЬ

«Здесь живет никто»	255
Небывалая осень	259
Медная линия	265
Мимо войны	273
Старик со сторублевым билетом	279
Лефортовские ночи	285
Санитар	288
Россия в снегах	293
Горнист и рваная бумага	298
Дожди в предгорьях Карпат	303
За мутным саном	311
Весна над Вепржем	316
Великий аферист	321
Океанский пароход «Португаль»	329
По разбитым дорогам	344
Маленький рыцарь	348
Две тысячи томов	357
Местечко Кобрин	362
Измена	366
В болотистых лесах	368
Под счастливой звездой	374
Бульдог	386
Гнилая зима	391

Печальная суета	398
Предместье Чечелевка	405
Один только день...	413
Гостиница «Великобритания»	421
О записных книжках и памяти	432
Искусство белить хаты	445
Сырой февраль	453

Книга третья. НАЧАЛО НЕВЕДОМОГО ВЕКА

Водоворот	472
Синие факелы	485
Кафе журналистов	496
Зал с фонтаном	515
Зона тишины	523
Мятеж	528
Материалы к истории московских особняков	533
Несколько пояснений	539
Теплушка Риго-Орловской железной дороги	542
Нейтральная полоса	550
«Гетман наш босяцкий»	551
Фиолетовый луч	572
«Мой муж большевик, а я гайдамачка»	582
Малиновые галифе с лампасами	589
Слоеный пирог	601
Крик среди ночи	608
Свадебный подарок	613
О фиринке, водопроводе и мелких опасностях	629
Последняя шрапнель	642

Книга четвертая. ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ

Предки Остапа Бендера	648
Лабиринты из фанеры	664
Ячная каша	667
Блокада	670
Хитросплетение обстоятельств	680
«День мирного восстания»	683
Австрийский пляж	692
Глицериновое мыло	696
Рубка мебели	705
Полотняные удостоверения	716

Похищенная речь	726
Мнимая смерть художника Костанди	730
«Что вы хотели, молодой человек?»	738
«Мопассанов я вам гарантирую»	746
«Тот» мальчик.	756
Каторжная работа	762
Близкий и далекий	770
Скандал с благородной целью	775
Замедленное время	782
«Прощай, моя Одесса, славный карантин!»	800
Одиннадцать баллов	808
Акрополь Таврический	820
В глубине ночи	829

Книга пятая. БРОСОК НА ЮГ

Короткое объяснение	836
Благодарность читателю	837
Табачная республика	840
Двойкий смысл слова «легенда»	848
Заколенный дом	854
Мальпост.	858
Средство от малярии	867
Озеро Амтхел-Азанда	872
В плоском порту	890
Батумские звуки и запахи	892
«Это не мама».	895
Береговой приют.	901
Военнопленный Ульяновский	909
Маячный смотритель	914
Веселый попутчик	925
Главное направление	931
Тысяча сигнальных ракет	935
Хмурая зима.	942
Носильщик тяжестей	944
Борец Довгелло	948
Тоска по самоварному дыму	952
Новогодняя ночь	954
Последний луч	961
Намек на зиму	964
Простая клеенка	972

Каждому свое	983
Еще одна весна	988
Мгла тысячелетий	992
Все это выдумки!	1000

Книга шестая. КНИГА СКИТАНИЙ

Последняя встреча	1004
Полевая тишина	1009
«Четвертая полоса»	1016
Ночные поезда	1025
Стужа	1034
Снежные шапки	1040
Проводы учебного корабля	1044
Бесплатный табак	1049
Птицелов	1051
Нелегкое дело	1063
Лесовик	1066
Медные подковки	1068
Девонский известняк	1073
«Малый Конотоп»	1082
«Не выйдет!»	1092
Старинная карта (некоторое отступление от темы)	1096
Обертка от голландского сыра	1107
Испытание пустыней	1109
История с географией	1119
Пушечный завод	1126
Пламенная Колхида	1137
Речка Вертушинка	1150
Живите так, как начали	1158

НЕСКОЛЬКО ОТРЫВОЧНЫХ МЫСЛЕЙ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Обычно писатель знает себя лучше, чем критики и литературоведы. Вот почему я согласился на предложение издательства написать краткое предисловие к своему Собранию сочинений*.

Но, с другой стороны, возможность говорить о себе у писателя ограничена. Он связан многими трудностями, в первую очередь — неловкость давать оценку собственным книгам.

Кроме того, ждать от автора объяснения собственных вещей — дело бесполезное. Чехов в таких случаях говорил: «Читайте мои книги, у меня же там все написано». Я с охотой могу повторить эти чеховские слова.

Поэтому я выскажу лишь некоторые соображения относительно своего творчества и вкратце передам свою биографию. Подробно рассказывать ее нет смысла. Вся моя жизнь с раннего детства до начала тридцатых годов описана в шести книгах автобиографической «Повести о жизни», которая включена в это собрание. Работу над «Повестью о жизни» я продолжаю и сейчас.

Родился я в Москве 31 мая 1892 года в Гранатном переулке, в семье железнодорожного статистика.

Отец мой происходит из запорожских казаков, переселившихся после разгрома Сечи на берега реки Рось, около Белой Церкви. Там жили мой дед — бывший николаевский солдат — и бабка-турчанка.

Несмотря на профессию статистика, требующую трезвого взгляда на вещи, отец был неисправимым мечтателем и протестантом. Из-за этих своих качеств он не засиживался подолгу на одном месте. После Москвы служил в Вильно, Пскове и, наконец, осел, более или менее прочно, в Киеве.

*Предисловие было написано К.Г. Паустовским к изданию: *Паустовский К.Г. Собрание сочинений*: в 8 т. М., 1967–1970.

Моя мать — дочь служащего на сахарном заводе — была женщиной властной и суровой.

Семья наша была большая и разнообразная, склонная к занятиям искусством. В семье много пели, играли на рояле, спорили, благоговейно любили театр.

Учился я в 1-й киевской классической гимназии.

Когда я был в шестом классе, семья наша распалась. С тех пор я сам должен был зарабатывать себе на жизнь и учение. Перебивался я довольно тяжелым трудом — так называемым репетиторством.

В последнем классе гимназии я написал первый рассказ и напечатал его в киевском литературном журнале «Огни». Это было, насколько я помню, в 1911 году.

После окончания гимназии я два года пробыл в Киевском университете, а затем перевелся в Московский университет и переехал в Москву.

В начале мировой войны я работал вожатым и кондуктором на московском трамвае, потом — санитаром на тыловом и полевом санитарных поездах.

Осенью 1915 года я перешел с поезда в полевой санитарный отряд и прошел с ним длинный путь отступления от Люблина в Польше до городка Несвижа в Белоруссии.

В отряде из попавшегося мне обрывка газеты я узнал, что в один и тот же день убиты на разных фронтах оба мои брата. Я вернулся к матери — она в то время жила в Москве, но долго высидеть на месте не смог и снова начал свою скитальческую жизнь: уехал в Екатеринослав и работал там на металлургическом заводе Брянского общества, потом переехал в Юзовку на Новороссийский завод, а оттуда в Таганрог на котельный завод Нев-Вильдэ. Осенью 1916 года ушел с котельного завода в рыбацью артель на Азовском море.

В свободное время я начал писать в Таганроге свой первый роман — «Романтики».

Потом переехал в Москву, где меня застала Февральская революция, и начал работать журналистом.

Мое становление человека и писателя происходило при Советской власти и определило весь мой дальнейший жизненный путь.

В Москве я пережил Октябрьскую революцию, стал свидетелем многих событий 1917–1919 годов, несколько раз слышал Ленина и жил напряженной жизнью газетных редакций.

Но вскоре меня «завертело». Я уехал к матери (она снова переехала на Украину), пережил в Киеве несколько переворотов, из

Киева уехал в Одессу. Там я впервые попал в среду молодых писателей — Ильфа, Бабеля, Багрицкого, Шенгели, Льва Славина.

Но мне не давала покоя «муза дальних странствий», и я, пробыв два года в Одессе, переехал в Сухум, потом — в Батум и Тифлис. Из Тифлиса я ездил в Армению и даже попал в Северную Персию.

В 1923 году вернулся в Москву, где несколько лет проработал редактором РОСТА. В то время я уже начал печататься.

Первой моей «настоящей» книгой был сборник рассказов «Встречные корабли» (1928).

Летом 1932 года я начал работать над книгой «Кара-Бугаз». История написания «Кара-Бугаза» и некоторых других книг изложена довольно подробно в повести «Золотая роза». Поэтому здесь я на этом останавливаться не буду.

После выхода в свет «Кара-Бугаза» я оставил службу, и с тех пор писательство стало моей единственной, всепоглощающей, порой мучительной, но всегда любимой работой.

Ездил я по-прежнему много, даже больше, чем раньше. За годы своей писательской жизни я был на Кольском полуострове, жил в Мещёре, изъездил Кавказ и Украину, Волгу, Каму, Дон, Днепр, Оку и Десну, Ладожское и Онежское озера, был в Средней Азии, в Крыму, на Алтае, в Сибири, на чудесном нашем северо-западе — в Пскове, Новгороде, Витебске, в пушкинском Михайловском.

Во время Великой Отечественной войны я работал военным корреспондентом на Южном фронте и тоже изъездил множество мест. После окончания войны я опять много путешествовал. В течение 50-х и в начале 60-х годов я посетил Чехословакию, жил в Болгарии в совершенно сказочных рыбацких городках Несебре (Мессемерия) и Созополе, объехал Польшу от Кракова до Гданьска, плавал вокруг Европы, побывал в Стамбуле, Афинах, Роттердаме, Стокгольме, в Италии (Рим, Турин, Милан, Неаполь, Итальянские Альпы), повидал Францию, в частности Прованс, Англию, где был в Оксфорде и шекспировском Страдфорде. В 1965 году из-за своей упорной астмы я довольно долго прожил на острове Капри — огромной скале, сплошь заросшей душистыми травами, смолистой средиземноморской сосной — пинией и водопадами (вернее, цветопадами) алой тропической бугенвиллии, — на Капри, погруженном в теплую и прозрачную воду Средиземного моря.

Впечатления от этих многочисленных поездок, от встреч с самыми разными и — в каждом отдельном случае — по-своему интересными людьми легли в основу многих моих рассказов и путевых

очерков («Живописная Болгария», «Амфора», «Третья встреча», «Толпа на набережной», «Итальянские встречи», «Мимолетный Париж», «Огни Ла-Манша» и др.), которые читатель тоже найдет в этом Собрании сочинений.

Написал я за свою жизнь немало, но меня не покидает ощущение, что мне нужно сделать еще очень много и что глубоко постигать некоторые стороны и явления жизни и говорить о них писатель научается только в зрелом возрасте.

В юности я пережил увлечение экзотикой.

Желание необыкновенного преследовало меня с детства.

В скучной киевской квартире, где прошло это детство, вокруг меня постоянно шумел ветер необычайного. Я вызывал его силой собственного мальчишеского воображения.

Ветер этот приносил запах тисовых лесов, пену атлантического прибоя, раскаты тропической грозы, звон эоловой арфы.

Но пестрый мир экзотики существовал только в моей фантазии. Я никогда не видел ни темных тисовых лесов (за исключением нескольких тисовых деревьев в Никитском ботаническом саду), ни Атлантического океана, ни тропиков и ни разу не слышал эоловой арфы. Я даже не знал, как она выглядит. Гораздо позже из записок путешественника Миклухо-Маклая я узнал об этом. Маклай построил из бамбуковых стволов эолову арфу около своей хижины на Новой Гвинее. Ветер свирепо завывал в полых стволах бамбука, отпугивал суеверных туземцев, и они не мешали Маклаю работать.

Моей любимой наукой в гимназии была география. Она бесстрастно подтверждала, что на земле есть необыкновенные страны. Я знал, что тогдашняя наша скудная и неустроенная жизнь не даст мне возможности увидеть их. Моя мечта была явно несбыточна. Но от этого она не умирала.

Мое состояние можно было определить двумя словами: восхищение перед воображаемым миром и — тоска из-за невозможности увидеть его. Эти два чувства преобладали в моих юношеских стихах и первой незрелой прозе.

С годами я ушел от экзотики, от ее нарядности, пряности, приподнятости и безразличия к простому и незаметному человеку. Но еще долго в моих повестях и рассказах попадались ее застрявшие невзначай золоченые нити.

Часто мы ошибочно соединяем в одно целое два разных понятия: то, что мы называем экзотикой, и то, что называем романтикой. Мы подменяем романтику чистой экзотикой, забывая о том, что эта по-

следняя является лишь одной из внешних оболочек романтики и лишена самостоятельного содержания.

Сама по себе экзотика оторвана от жизни, тогда как романтика уходит в нее всеми корнями и питается всеми ее драгоценными соками. Я ушел от экзотики, но я не ушел от романтики и никогда от нее не уйду — от очистительного ее огня, порыва к человечности и душевной щедрости, от постоянного ее покоя.

Романтическая настроенность не позволяет человеку быть живым, невежественным, трусливым и жестоким. В романтике заключена облагораживающая сила. Нет никаких разумных оснований отказываться от нее в нашей борьбе за будущее и даже в нашей обыденной трудовой жизни.

Разумеется, экзотику можно найти в «Романтиках», «Блестящих облаках» и во многих моих ранних романтических рассказах. Мне не казалось нужным переделывать эти вещи позднее. На них лежит печать своего времени, моего тогдашнего мироощущения. Поэтому они публикуются здесь в том виде, в каком появились на свет. Лишь кое-где пришлось исправить явные ошибки и стилистические погрешности.

Не без внутреннего сопротивления я порвал с чистой экзотикой и написал об этом рассказ под названием «Морская прививка».

В этом разрыве последним толчком было посещение Московского планетария. Его только что открыли. Строитель планетария архитектор Синявский повел меня на первый показ искусственного звездного неба. Я был, как и все, захвачен этим зрелищем.

Мы вышли из планетария поздним вечером. Стоял сухой октябрь. На улицах пахло палым листом. И вдруг как бы впервые я увидел у себя над головой огромное, живое, кипящее звездами небо. Дым легких облаков пролетал в вышине, но не застилал звезд. Казалось, черный воздух осени усиливал пылание небесного свода.

И вот — почти все написанное мною до этого вечера представилось мне таким же искусственным, как небо планетария, — бетонный купол с фальшивыми созвездиями. Вначале оно поражало, но в нем не было глубины, воздуха, объема, слияния с мировым пространством.

После того вечера я уничтожил некоторые наиболее нарядные и искусственные свои рассказы.

Однако потом на протяжении своей дальнейшей жизни я убедился в банальной истине, что ничто — даже самая малость — не проходит для нас даром. Юношеская приверженность моя к экзотике